

**Суд над благоверным князем Михаилом Тверским в 1318 г.:
процессуальные аспекты¹**

Применение междисциплинарного подхода в изучении истории средневековой Руси и ее соседей позволяет совершенно по-новому использовать источники, которые уже давно введены в оборот, хорошо известны исследователям и, казалось бы, всесторонне изучены. Ярким примером тому является средневековое сочинение, известное под названием «Повесть о Михаиле Тверском» или «Житие Михаила Ярославича» (далее по тексту — «Повесть»)². Безусловно, в первую очередь, оно является агиографическим (житийным) источником, однако исследователи не без оснований рассматривают его и как исторический источник, отражающий реальные политические события в истории отношений Тверского княжества с Москвой и Золотой Ордой. Неслучайно ряд специалистов уже анализировал это произведение именно как источник по истории русско-ордынских отношений и представлению о Золотой Орде и ее правителях в средневековом русском общества³.

По мнению специалистов, автором сочинения мог быть не просто современник, но и очевидец событий (предположительно — спутник князя Михаила Ярославича в роковой для него поездки в Золотую Орду), что нашло отражение в упоминании деталей географического и топографического характера⁴. Считаем возможным полностью согласиться с этим утверждением, добавив, что доказательством составления «Повести» является также упоминание ряда деталей, непосредственно связанных с судом над Михаилом Тверским в Орде, которые никак не связаны с агиографическими канонами, но зато отражают ряд аспектов судебного процесса Золотой Орды. Собственно, именно эти сведения и привлекли наше внимание в рамках настоящего исследования, целью которого является попытка реконструкции золотоордынского судебного процесса на основе сообщения спутника тверского князя.

Нет сомнения, автор сочинения не ставил задачу именно описать процедуру судебного разбирательства, однако нельзя не обратить внимания, насколько детально рассмотрен им суд — начиная с вызова сторон и до конца (вынесения и исполнения приговора) (хотя, конечно, разные стадии процесса охарактеризованы с различной степенью подробности). Если принять версию В. А. Кучкина о том,

¹ Статья представляет собой исправленную и дополненную версию доклада. Автор благодарит А. Ю. Дворниченко, К. А. Костромина и А. В. Сизикова за ценные замечания и рекомендации.

² Для последующего анализа источника нами взяты за основу Пространная редакция «Жития Михаила Ярославича» (по изданию: *Клосс Б. М. Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV-XVI вв. М., 2001. С. 188-201*) и Пространная редакция «Повести о Михаиле Тверском» (по изданию: *Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 125-163*).

³ См., напр.: *Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV вв. М., 2009. С. 111-121*; *Селезнев Ю. В. Описание своего (русского) и чужого (ордынского) пространства в «Житие Михаила Тверского» // Вестник ВГУ. Сер.: «История. Политология. Социология». 2007. № 2. С. 112-114.*

⁴ См., напр.: *Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 11*; *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia. Bloomington, 2009. P. 88, 90.*

что автором «Повести» мог быть игумен Тверского Отроча монастыря Александр⁵, подобный интерес его к процессуальным аспектам становится вполне понятным: священнослужитель такого ранга, скорее всего, должен был хорошо знать каноническое право, осуществлять суд над собственными подчиненными и другими подвластными людьми. Именно это обстоятельство может объяснить причины такого пристального внимания к деталям процесса над Михаилом Тверским, отсутствующим во многих других русских средневековых агиографических памятниках и иных источниках.

Именно это и привлекло наше внимание к данному источнику. Кроме того, привлечение других источников о суде в тюрко-монгольских государствах рассматриваемого периода (XIII–XIV вв.) позволит, с одной стороны, дополнить, с другой — проверить и уточнить некоторые сведения «Повести».

Агиографический и политический характер «Повести», нашедший отражение в формировании из Михаила Ярославича образа святого и в осуждении его недругов — московского князя Юрия Даниловича и золотоордынского сановника («князя») Кавгадия, обусловил длительное существование мнения о том, что суд явился лишь средством для расправы с Михаилом Тверским в пользу Юрия Московского, и что решение об осуждении тверского князя было принято заранее. Лишь отдельные авторы склонны сомневаться в этом, обосновывая, впрочем, свою позицию лишь логическими заключениями⁶.

Между тем, в «Повести» имеются прямые указания на то, что ни о какой «предрешенности» дела Михаила Ярославича и речи не шло — более того, оно являлось не расследованием преступления тверского князя, а рассмотрением его спора с московским соперником. На это указывает, во-первых, сообщение о том, что князья решили отправиться на суд в Орду во время переговоров, причем инициатива передать их спор на решение ордынских властей исходила от самого князя Михаила⁷. Во-вторых, когда он прибыл в Золотую Орду, хан Узбек, назначая судей, произносит следующую фразу: «Что ми есте молвили на князя Михаила, сътворита им суд съ князем Юрьемъ, да котораго сътворите въ правду, того хочю жаловати, а виноватаго казни предати»⁸. Т. е., никакого заранее принятого решения ни у хана, ни у самих судей не было, и Юрий с Михаилом оказались в равных условиях.

Таким образом, процесс, традиционно рассматриваемый как суд (или даже судилище!) над Михаилом Тверским, юридически являлся разбирательством спора между двумя князьями. И это предопределило форму процесса, который, как мы увидим ниже, являлся не обвинительным, характерным для расследования уголовных преступлений, а состязательным, чаще использовавшимся именно при рассмотрении споров равноправных сторон.

Думается, что Михаил Ярославич, несмотря на обострение отношений с ханом Узбеком и вооруженное сопротивление войскам его посла Кавгадия, имел основания считать, что суд может вынести решение в его пользу. Помимо тех доказательств, которыми он надеялся опровергнуть обвинения своего соперника, он уповал также на свое старшинство, делавшее его более легитимным претендентом на власть, а его

⁵ См.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 234.

⁶ См., напр.: Клюг Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.) / Пер. с нем. А. В. Чернышева. Тверь, 1994. С. 112.

⁷ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 193; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 138.

⁸ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 194; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 141.

соперника — соответственно, незаконным⁹. Это обстоятельство прежде скрупулезно учитывалось золотоордынскими монархами, практически всегда поддерживавшими претензии на великое княжение тех членов рода Рюриковичей, кто имел на него право в соответствии с лестничным правом¹⁰. Таким образом, тот факт, что Михаил Ярославич по собственной воле поехал в Орду, несмотря на то, что его, согласно «Повести» отговаривали и члены семьи, и бояре, свидетельствует не столько о его жертвенности и благочестии, сколько об уверенности в том, что суд может вынести решение в его пользу.

Представляет интерес вопрос о так называемых «процессуальных сроках», которые неоднократно фигурируют в исследуемом источнике. Когда Михаил по дороге в Орду остановился во Владимире, местный баскак сообщил ему, что хан ожидает его в течение месяца¹¹. Отметим, что подобный срок для прибытия на суд участников, проживавших вдали от места его проведения, по-видимому, являлся стандартным, в т. ч. и для средневековых русских процессуальных источников¹².

Когда Михаил прибыл в ханскую ставку (согласно источнику, 6 сентября 1318 г.), по указанию Узбека к нему был придан «пристав», которому было поручено «не дадуще его никому же обидети»¹³, что также свидетельствует о том, что Михаил изначально не был «заочно осужден»¹⁴. Впрочем, как нам представляется, фактически задачей этого пристава было не допускать сговора Михаила со своим противником, его представителями или даже с самими судьями: как показывают и последующие события, хан Узбек не вполне доверял им же назначенным судьям и старался принять меры, чтобы другие участники процесса не могли на них повлиять.

Автор «Повести», однозначно осуждающий и Юрия Московского, и Кавгадыя, обвиняет их в том, что они прибыли в ханскую ставку раньше Михаила и успели склонить на свою сторону уговорами и подкупамы многих влиятельных ордынских аристократов-«князей». Однако, как следует из этого же источника, аналогичные возможности были предоставлены и самому Михаилу: по прибытии он посетил многих сановников Узбека, его жен и, наконец, самого хана — всем им также были преподнесены богатые дары.

Процесс начался лишь через полтора месяца после прибытия Михаила. Это время понадобилось на проведение того, что сегодня называется «предварительным

⁹ См.: *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 108. В связи с этим весьма важным представляется наблюдение А. А. Горского, что Юрий Московский в «Повести» осуждается не за то, что вместе с ордынцами действовал против Михаила Тверского, а за то, что бросил ему вызов как старшему, т. е. более законному претенденту на великокняжеский стол (*Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 57).

¹⁰ См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 178. Однако, как показали события 1317 г., Узбек не поколебался нарушить этот принцип своих предшественников. Кроме того, как оказалось, за время своего великого княжения (1305-1317) Михаил Тверской сумел восстановить против себя многие удельные княжества, а также Новгород, решительно принявший сторону Юрия Московского в борьбе с его соперником (см., напр.: *Штыков Н. В.* Политика Михаила Ярославича Тверского: новгородский аспект // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2013. № 3 (53). С. 160).

¹¹ *Клосс Б. М.* Избранные труды. С. 193; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 139.

¹² Например, земельные споры по Новгородской судной грамоте могли разбираться в течение 20 месяцев, тогда как для остальных дел срок разбирательства не должен был превышать одного месяца: еще один месяц отводился на вызов в суд землевладельцев из отдаленных местностей и их прибытие (Новгородская судная грамота // *Российское законодательство X-XX вв.* Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. С. 307. Ст. 28).

¹³ *Клосс Б. М.* Избранные труды. С. 194; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 141.

¹⁴ *Клюг Э.* Княжество Тверское. С. 110.

следствием», т. е. на сбор и анализ предоставленных сторонами материалов, а также и для формирования состава суда. Этот аспект представляет большой интерес, поскольку дела вассальных правителей чаще всего разбирали сами ханы¹⁵. Узбек же демонстративно устранился — «взял самоотвод»¹⁶. Полагаем, это могло быть связано с тем, что он в данном деле выступал заинтересованным лицом и даже до некоторой степени «пострадавшей стороной»: ведь одним из обвинений против Михаила Тверского было отравление великой княгини Агафьи — супруги Юрия Московского и родной сестры самого хана Золотой Орды. По-видимому, хан, отказавшись разбирать дело, решил продемонстрировать свою объективность.

Однако при этом он поручил рассматривать дело не членам ханского рода (поскольку подобные дела, согласно еще установлению Чингис-хана, рассматривались «семейным советом» Чингизидов¹⁷), а неким «князьям», т. е. представителям менее родовитой знати Улуса Джучи. На наш взгляд, это может объясняться тем, что как раз в это время хан Узбек предпринял ряд реформ с целью ограничения привилегий Чингизидов и выдвижения на высшие административные посты своих доверенных лиц из числа своих верных сподвижников¹⁸. А поскольку в тот период времени судебная власть от административной не отделялась, вполне логичным представляется, что и рассмотрение спора двух вассальных правителей было поручено высшим представителям исполнительной власти в государстве¹⁹.

В «Повести» упоминается, что суд происходил в специальной юрте («веже») вне ханской ставки²⁰. Однако сколько именно было судей-«князей»? В разных источниках, хронологически близких к исследуемым событиям, называется разное число судей, разбиравших наиболее значительные дела при ханской ставке. Так, Марко Поло упоминает «двенадцать баронов» великого хана Хубилая, обладавших высшей властью (в т. ч. и судебной); персидский историк и государственный деятель Рашид ад-Дин сообщает, что у монгольских ханов было восемь судей²¹.

¹⁵ В древнерусских источниках такими судьями в отношении русских князей выступают, в частности, ханы Менгу-Тимур (в отношении Романа Ольговича Рязанского), Токта (в отношении ряда рязанских князей), сам Узбек (в отношении ряда рязанских и тверских князей), Улуг-Мухаммад (в отношении Василия II Московского и его дяди Юрия Звенигородского)

¹⁶ Ср.: Андреева Е. А. Прямая речь в повести о Михаиле Тверском в Никоновской летописи // Русская речь. 2011. № 2. С. 72.

¹⁷ См.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой; примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенов. М.; Л., 1952. С. 263-264. Сам Чингис-хан, равно как и его ближайшие преемники, неоднократно возлагали судебные полномочия на своих родственников, что, впрочем, не носило «массового характера» (Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., введ. ст., коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2009. С. 209).

¹⁸ См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М., 2015. С. 37-43.

¹⁹ На такую мысль наводит и тот факт, что Узбек не поручил рассмотрение специально назначенным для него судьям ad hoc или же курултаю, как это бывало и в Монгольской империи, и в ее улусах (Скрынникова Т. Д. Судопроизводство в Монгольской империи // Altaica. VII. 2002. С. 164-169. См. также: Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). М., 2000. С. 249).

²⁰ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 194; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 142.

²¹ Книга Марко Поло / Пер. с фр. И. П. Минаева; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956. С. 120-121; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960. С. 178. См. также: Абзалов Л. Ф. Ордынская канцелярия. Казань, 2013. С. 40-42. Примечательно, что и в судебных

Автор «Повести» ничего не сообщает о числе судей, разбивавших дело Михаила Тверского и Юрия Московского, однако мы можем предположительно назвать его на основе косвенных данных. Дело в том, что после того, как суд вынес решение признать князя Михаила Ярославича виновным, но до того, как хан его утвердил, тверской князь был взят под стражу, причем его охраняли «от седми князей семь сторожов»²². Позволим себе предположить, что эти «семь князей» и были семь судей, которые либо по своему усмотрению, либо по ханскому распоряжению назначили собственных охранников, чтобы, опять же, не допустить сговора Михаила с их коллегами. Это — второй показатель того, что хан Узбек не доверял полностью даже своим самым приближенным сановникам!

Еще одним интересным аспектом является институт «судебного представительства», которое фигурирует в деле Михаила Тверского неоднократно. Одним таким представителем являлся Константин — третий сын Михаила Ярославича, которого отец временно послал в Орду, пока сам собирался и готовил необходимые доказательства своей невиновности²³. И хотя исследователи указывают, что Константин являлся, скорее, заложником²⁴, думается, его (несмотря на несовершеннолетний возраст) можно посчитать именно «поверенным» своего отца: по его поручению он взаимодействовал с ордынскими сановниками, вручал дары и т. д.

Еще более противоречив статус ордынского вельможи Кавгадыя, который в «Повести», а также и в других источниках, содержащих сведения о суде над Михаилом Тверским, фигурирует как один из главных «злодеев», оговоривших князя и добившихся его казни. В «промосковских» источниках он даже представлен главным недругом Михаила Ярославича, тогда как роль московского князя Юрия Даниловича менее заметна²⁵. Поначалу Кавгадый предстает своего рода «консультантом» московского правителя, дающим ему рекомендации, как правильно построить обвинение против соперника, к кому из ордынских князей обратиться и пр. А во время суда, как специально подчеркивает автор «Повести», Кавгадый — «сам судия и сутяжей, той же и лжив послух бываше», т. е. одновременно является одним из судей, свидетелем в пользу Юрия и обвинителем²⁶! Это — пожалуй, единственное существенное противоречие выше приведенным доводам в пользу того, что Михаил и Юрий во время суда являлись равноправными участниками процесса.

Какие же обвинения были предъявлены Михаилу Тверскому? Они весьма четко указаны и в анализируемом источнике, и в других средневековых памятниках. Во-первых, это — утайка дани, которую Михаил, будучи великим князем, должен был

традициях монгольских народов упоминается близкое число судей — например, в суде Калмыцкого ханства XVIII в. («дзарго») также было восемь судей (*Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995. С. 146).

²² *Клосс Б. М.* Избранные труды. С. 195; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 143-144.

²³ *Клосс Б. М.* Избранные труды. С. 193; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 138.

²⁴ См., напр.: *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. С. 108.

²⁵ *Клюг Э.* Княжество Тверское. С. 109; Halperin Ch. J. *The Tatar Yoke*, p. 91-92.

²⁶ *Клосс Б. М.* Избранные труды. С. 194; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 142. Нельзя не согласиться с В. С. Борзаковским по поводу такой позиции Кавгадыя, который, казалось бы, не имел никаких причин выступать против Михаила, отнесшегося к нему с почетом и богато одарившего ханского посла: если бы Михаил доказал свою невиновность, это автоматически означало бы, что виновным оказался бы сам Кавгадый (*Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. С. 108-109).

собрать и передавать в Орду, во-вторых — враждебные действия против хана, выразившиеся в битве с его послом (тем же Кавгадыем) в 1317 г.²⁷

Обвинители Михаила подготовились к процессу весьма основательно: ими были представлены «многы грамоты съ многым замышлениемъ», содержащие «лжа свидетельства» от имени суздальских князей, бояр, новгородцев и пр., которые также лично свидетельствовали в суде. Грамоты и устные показания были представлены судьям, однако Михаил «со всякою правдою обличаше их лживое свидетельство»²⁸. Это — еще одно доказательство применения состязательного процесса в рамках данного дела: Михаил имел возможность ознакомиться с обвинениями и выдвинуть свои возражения против них.

В результате первое заседание закончилось ничем, и соперники Михаила оказались в опасности из-за своих лживых свидетельств, так как могли быть подвергнуты тому же наказанию, к которому, как они надеялись, приговорят Михаила²⁹. Тем не менее, обвинения оказались достаточно серьезными, что заставило ордынские власти (либо судей, либо самого хана) принять дополнительные «меры пресечения»: в «Повести» сообщается, что на второе заседание, состоявшееся через неделю после первого, тверского князя доставили уже связанным³⁰.

На этот раз соперники Михаила Ярославича к своим прежним обвинениям добавили третье — и самое опасное для него: «княгиню Юрьеву повелел еси уморити». Почему же обвинение в отравлении жены Юрия и, соответственно, сестры хана Узбека не прозвучало на первом же заседании? Надо полагать, у Юрия и его сторонников не было никаких доказательств в пользу своего обвинения — в отличие от других, касавшихся утайки Михаилом даней и сопротивления ханской воле, нашедших отражение в «многих грамотах» (пусть даже и сфабрикованных, как утверждает автор «Повести»).

Эта необоснованность «зеркальным образом» нашла отражение и в позиции Михаила Тверского, который на суде стойко отрицал все обвинения³¹. При этом весьма примечательно, что доказательства противоположной стороны он опротестовывал

²⁷ В Никоновской летописи к этому перечню обвинений также добавлено намерение «в немцы с казною бежати» и «казну въ Римъ к папе отпустил еси» (ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 183). Однако, как представляется, подобные обвинения могли быть более актуальны не для описываемых событий, а для времени составления самой летописи. В «Повести» они, во всяком случае не упоминаются (ср.: *Клюг Э.* Княжество Тверское. С. 111; *Монин М. А.* Планета Тверь. Культура Тверского княжества периода независимости (1247-1485 гг.). М., 2016. С. 105).

²⁸ *Клосс Б. М.* Избранные труды. С. 193, 194; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 142. Любопытно провести параллель между описываемым судом и Переяславским собором 1311 г., на котором сам князь Михаил Тверской выступал судьей митрополита Петра: там также упоминается о предъявлении обвинений епископами (недоброжелателями митрополита) и опровержении им этих обвинений (*Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Период второй, Московский. Т. 2. От нашествия Монголов до митрополита Макария включительно. 1 пол. тома. М., 1900. С. 106–109; *Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С. 228–233).

²⁹ Подобная норма известна в традиционном праве с глубокой древности — еще в законах Хаммурапи (середина XVIII в. до н. э.) имелась целая группа норм о том, что ложно обвинивший другого должен понести то же наказание, которое понес бы виновный, если бы его вина была доказана (*Волков И. М.* Законы Хаммурапи. М., 1914. С. 20. П. 1-4).

³⁰ *Клосс Б. М.* Избранные труды. С. 194; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 143.

³¹ По мнению Ч. Гальперина, доводы Михаила в свою пользу охарактеризованы автором «Повести» как правдивые и убедительные с целью усилить его образ как святого мученика (*Halperin Ch. J.* *The Tatar Yoke*, p. 92).

с помощью равнозначных доказательств. Так, в ответ на «грамоты» с обвинениями его в утайке дани он заявлял «со многым свидетельствомъ», что «колико сокровищъ своих издаял есмь цареви и княземъ, все бо исписано имяше», т. е. также предоставлял письменные документы в пользу своей невиновности. Исследователи истории русского уголовного процесса отмечают, что именно в XIV в. и в русских судах при рассмотрении дел, связанных с денежными или налоговыми отношениями, стали широко применяться письменные документы, причем именно церковные учреждения использовали их для защиты своих прав наиболее широко³². Нет сомнения, что князю Михаилу подготовить соответствующие документы помогли его советники из числа представителей церковных иерархов — возможно и сам предполагаемый автор «Повести» игумен Александр.

На обвинение в том, что «противу посла бился», Михаил отвечал, что «посла како избави на брани и съ мною честию отпусти», и присутствие на процессе самого Кавгадыя — здорового и деятельного — подтверждала его слова.

Но по поводу обвинения в умерщвлении ханской сестры аналогичных доказательств представить он, естественно, не мог — равно как и его противники не могли представить убедительных доказательств в пользу его вины. Единственное, что было точно известно, что ордынская царевна (она же великая княгиня) попала в плен к тверскому князю и скончалась при невыясненных обстоятельствах именно в Твери. Соответственно, Михаилу оставалось совершить лишь одно действие, которое в соответствии со средневековой процессуальной традицией предусматривалось при отсутствии доказательств — поклясться, т. е. дать присягу в том, что он не виновен. Именно это он и сделал: «Бога послуха призывааше, глаголаше, яко “ни на мысли ми того сътворити”»³³.

Вряд ли можно с достаточной уверенностью утверждать, что именно сыграло решающую роль в признании проигравшим и, соответственно, виновным Михаила Ярославича Тверского, а не Юрия Даниловича Московского — либо необедительность его доводов против последнего обвинения, либо же то, что Юрию и Кавгадыю удалось таки заручиться поддержкой судей. Сам автор «Повести», кажется, также не знает ответа на этот вопрос: обвинительное решение против Михаила Тверского он объясняет приверженностью хана Узбека и его судей к «мерьской вере срацинской», т. е. их мусульманским вероисповеданием, что, по его мнению, и сделало ордынских участников процесса «немилостивыми», «неправосудными» и «законпреступными», «лукавыми» и т. д. в отношении православного князя³⁴. Однако в тексте «Повести» нет ни одного даже косвенного указания на то, что в рамках данного суда применялись какие-либо принципы мусульманского материального или процессуального права, не дано ни одной ссылки на нормы шариата — все упомянутое выше стадии судебного разбирательства, права и возможности участников процесса, представленные доказательства в полной мере отвечают нашим знаниям о процессе в средневековых тюрко-монгольских государствах, почерпнутым

³² Чельцов-Бebutov М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 648-649.

³³ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 194-195; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 13.

³⁴ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 191; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 132-133. См. также: Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков. С. 251; Монин М. А. Планета Тверь. С. 105-106; Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников... С. 116-117; Селезнев Ю. В. Описание своего (русского) и чужого (ордынского) пространства... С. 112-113.

из других источников. Более того, взаимоотношения сюзеренов и вассалов в Монгольской империи и государствах Чингизидов (а именно в нарушении вассальных обязательств, по сути, обвинялся Михаил Тверской) регулировались исключительно имперским правом — установлениями Чингис-хана («Великой Ясой») и ярлыками самих ханов³⁵.

Как бы то ни было, судебное решение было не в пользу Михаила Тверского. Однако говорить о том, что он был осужден и приговорен, было все же преждевременно: приговор должен был утвердить хан, который как раз в это время по странному стечению обстоятельств отправился на охоту («пошел на ловы»). Вполне можно согласиться с мнением исследователей, полагающих, что Узбек колебался в своем решении и взял паузу для его обдумывания³⁶. Это заняло у него, согласно «Повести», двадцать шесть дней. Вместе с тем, это сообщение дает основание считать, что даже если вассальных правителей судил не хан, их судьбу в случае признания виновным мог решать исключительно сам монарх³⁷.

В течение этого времени к Михаилу были применены новые, еще более суровые меры пресечения: он был закован в цепи, посажен в колодку, у него были отняты вещи (казна, одежда, еда), его свита была отделена от него³⁸.

Далее описывается, как Кавгадый приказал вывести Михаила Тверского «на торг», т. е. на базарную площадь, где и подверг унижениям, созвав «займодавцев»³⁹. В чем состояло юридическое значение подобных действий, не вполне понятно. Возможно, речь шла о поиске поручителей за князя — коль скоро часть обвинений против него так и не была полностью доказана? Как известно, поручительство, подобно присяге, нередко использовалось в качестве доказательства, если иные средства отвергнуть обвинение отсутствовали. Вероятно, именно с этим были связаны упоминаемые в источнике «вопросы» и «ответы» во время пребывания на «торге». Однако, как следует из «Повести», никаких дальнейших действий со стороны «займодавцев» не последовало, и Михаил был возвращен под стражу.

Весьма показательны высказывание Кавгадыя, обращенное к тверскому князю, подвергнутому унижениям, закованному в цепи и колодки и ждущему смерти: «Ведая буди, Михаиле, таковъ царевъ обычаи: аже будетъ ему на кого не любо, хотя от своего племени, то таково древо въскладають на него, егда же гневъ царевъ минеть, то паки въ первую честь введет его. Утро бо въ предъидуции день тягота сии отъидеть от тебе, потомъ в большой чести будещи»⁴⁰. Автор повести (а за ним — и современные исследователи) видит в этом проявление некоего злорадства со стороны ордынского вельможи, однако, как представляется, тот не лукавил: от хана (тем более, такого непредсказуемого и капризного, как Узбек) можно было ждать и смертного приговора, и помилования.

Наконец, после длительного ожидания (22 ноября 1318 г., как указано в «Повести») Кавгадый «въхожааше къ царю и исхожааше съ ответы на убиение блаженааго Михаила», т. е., наконец, получил утверждение смертного приговора. Казнь состоялась

³⁵ Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб., 2012. С. 285.

³⁶ Клюг Э. Княжество Тверское. С. 113.

³⁷ См. также: Скрынникова Т. Д. Судопроизводство в Монгольской империи. С. 169 и след.

³⁸ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 195; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 144.

³⁹ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 196-197; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 148-149.

⁴⁰ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 197; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 149.

в тот же день, причем, согласно автору «Повести», она носила публичный, мучительный и, следовательно, устрашающий характер⁴¹.

Несколько выходя за рамки процессуальных действий, мы все же не можем не обратить внимания на одну деталь, связанную уже с исполнительным производством — вопрос о судьбе тела казненного тверского князя. Источники XIII-XIV вв. содержат сведения о казни в чингизидских государствах вельмож и вассальных правителей, обвиненных в неподчинении ханам, измене и пр. Так, например, когда в 1289 г. по приказанию ильхана Аргуна был казнен за измену грузинский царь Деметре II, его тело в течение долгого времени не позволяли похоронить, и царским приверженцам пришлось его выкрасть и тайно доставить в Грузию⁴². Аналогичным образом, когда в 1318 г. был казнен некогда всесильный персидский везир Рашид ад-Дин, его тело было разрублено на части и разслано по разным областям⁴³. Совершенно иначе поступили с телом казненного Михаила Тверского. Во-первых, сам же Кавгадый, согласно «Повести», упрекнул своего сообщника Юрия Московского в том, что тот допустил поругание трупа казненного «старшего брата» (в некоторых версиях «Повести» он даже назвал Михаила «отцом» Юрия) и заставил одеть его⁴⁴. После этого тело было доставлено в Москву для захоронения, а затем за «множество серебра» передано семейству казненного⁴⁵.

Причины таких действий в отношении тела «предателя и изменника» остаются не до конца понятными. В связи с этим можно лишь вновь отметить вышеприведенное предположение о том, что суд «ордынских князей» представлял собой не расследование преступлений Михаила Тверского против своего сюзерена — хана Узбека, а разбирательство спора двух князей. Да, проигравший суд был приговорен к смерти, но, по-видимому, обвинения в неподчинении хану, нарушении вассальных обязанностей не были доказаны. В пользу этого можно привести наблюдение С. М. Соловьева о том, что «Тверь не теряла ничего от смерти Михаила»⁴⁶. В самом деле, его семейство не только сохранило свои владения (Тверское княжество) и независимость от Москвы до конца XV в.: двое его сыновей и внук занимали великокняжеский стол.

Итак, какие же выводы о суде и процессе Золотой Орды позволяет сделать анализ сведений «Повести о Михаиле Тверском»? Прежде всего, отметим, что этот источник содержит гораздо более подробное описание судебного разбирательства, чем какие-либо другие известные нам источники.

На его основе достаточно четко выделяются основные стадии судопроизводства: возбуждение дела и вызов в суд, исследование судом доказательств, показания сторон и свидетелей, меры пресечения, вынесение решения, его утверждение и вступление в силу. Упоминаются виды доказательств, характерные для суда того времени: устные показания сторон и свидетелей, письменные документы («грамоты»), присяга в случае их отсутствия. Состав суда — группа (предположительно семь) «князей», т. е. представителей высшей администрации Золотой Орды — отражает важность

⁴¹ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 197-198; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 154-155. См. также: Андреева Е. А. Прямая речь... С. 73.

⁴² Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. / Пер. со старогруз. Г. В. Цулая. Вып. I. Текст. М., 2005. С. 129-133.

⁴³ См. подробнее: Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном. С. 285-286.

⁴⁴ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 199; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 155-156. См. также: Андреева Е. А. Прямая речь... С. 74; Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков. С. 255.

⁴⁵ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 200-201; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 159-161.

⁴⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3-4. М., 1988. С. 218.

рассматриваемого дела, которое не могло быть подсудно какому-либо чиновнику, назначавшемуся ханом *ad hoc* и в то же время не могло быть рассмотрено ханом, имевшим, как выяснилось, личную заинтересованность в этом деле. В качестве мер пресечения упоминается пристав при ответчике (обвиняемом), связывание его, а позднее — взятие под стражу, заковывание в цепи и колодку.

Безусловно, мы не можем быть полностью уверены в том, что автор «Повести» описал весь судебный процесс совершенно объективно — ведь перед ним стояла совершенно иная задача. Тем не менее, даже с учетом специфических целей и задач проанализированного источника, как представляется, мы можем сделать выводы о достаточно четкой и жестко регламентированной судебной процедуре в Золотой Орде, использовании состязательного процесса и широкого круга доказательств.

Вместе с тем, в Улусе Джучи, как и в других современных ему странах, по-видимому, не было четкого деления разбирательств на гражданские и уголовные. Это и объясняет противоречивое положение Михаила Тверского, одновременно являвшегося и обвиняемым (тогда как Кавгадый выступал своего рода «государственным обвинителем»), и ответчиком, имеющим возможность на равных с истцом, т. е. князем Юрием Московским, представлять доказательства в свою пользу, опротестовывать доказательства другой стороны и пр.

Наконец, весьма показательно, что окончательное решение по данному делу, связанное со смертной казнью виновного, принял все же хан, который поначалу показательно устранился от его разбирательства. Это лишний раз подтверждает, что монархи в тюрко-монгольских государствах являлись верховными судьями и принимали окончательное решение по наиболее значительным делам, касающимся жизни и смерти подданных или вассалов, даже в тех случаях, если сам суд осуществлялся другими судебными органами.

Источники и литература

1. *Абзалов Л. Ф.* Ордынская канцелярия. Казань: Татарское книжное изд-во, 2013.
2. *Андреева Е. А.* Прямая речь в повести о Михаиле Тверском в Никоновской летописи // Русская речь. 2011. № 2. С. 70-77.
3. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. / Пер. со старогруз. Г. В. Цулая. Вып. I. Текст. М.: Ин-т этнографии и антропологии РАН, 2005.
4. *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1995.
5. *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876.
6. *Волков И. М.* Законы Хаммурапи. М., 1914.
7. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Период второй, Московский. Т. 2. От нашего вступления Монголов до митрополита Макария включительно. 1 пол. тома. М., 1900.
8. *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000.
9. *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). М.: Аспект Пресс, 2000.
10. Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., ввод ст., коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2009.
11. *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV-XVI вв. М.: ЯСК, 2001.
12. *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247-1485 гг.) / Пер. с нем. А. В. Чернышева. Тверь, 1994.

13. Книга Марко Поло / Пер. с фр. И. П. Минаева; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М.: Государственное изд-во географической литературы, 1956.
14. Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М.: Наука, 1974.
15. Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 116-163.
16. Монин М. А. Планета Тверь. Культура Тверского княжества периода независимости (1247-1485 гг.). М.: Спутник, 2016.
17. Новгородская судная грамота // Российское законодательство X-XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. С. 300-320.
18. Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
19. Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978.
20. Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009.
21. Почекаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015.
22. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой; примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
23. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
24. Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV вв. М.: Квадрига, 2009.
25. Селезнев Ю. В. Описание своего (русского) и чужого (ордынского) пространства в «Житие Михаила Тверского» // Вестник ВГУ. Сер.: «История. Политология. Социология». 2007. № 2. С. 112-114.
26. Скрынникова Т. Д. Судопроизводство в Монгольской империи // Altaica. VII. 2002. С. 163-174.
27. Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913.
28. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3-4. М.: Мысль, 1988.
29. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равенна; Альфа, 1995.
30. Штыков Н. В. Политика Михаила Ярославича Тверского: новгородский аспект // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 159-160.
31. Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012.
32. Halperin Ch. J. *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 2009.